

ФРИДРИХ ЦЕЗАРЬ ЛАГАРП, ВОСПИТАТЕЛЬ БУДУЩЕГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Среди биографий приезжавших в Россию франкоязычных воспитателей в судьбе уроженца кантона Во, Фридриха Цезаря Лагарпа, нет ничего необычного. И до, и после него приезжали воспитателями в Россию и другие швейцарцы, как, например, позднее и тоже из кантона Во – Пьер Жильяр, учитель детей Николая II. Фактически уже с конца XVIII и в течение всего XIX в. швейцарские гувернеры и преподаватели пользовались в России хорошей репутацией. Будучи франкофонами, но не французами, что, в принципе, защищало их от влияния перемен во французо-российских отношениях, они слыли серьезными и скромными работниками, разделявшими христианские ценности, что привлекало семьи русского дворянства. Однако впоследствии профессиональная биография Лагарпа, первоначально развивавшаяся в соответствии с устоявшейся традицией, окажется далекой от всякой традиционности и обычности. Интенсивность отношений, установившихся между воспитателем и его учеником, великим князем Александром Павловичем, будущим императором Александром I, само развитие этих отношений, вначале отмеченных уважением и авторитетом, затем привязанностью, а далее и решающим влиянием, которое Лагарп оказывал на формирование личности Александра I и его политические убеждения, – все это заставляет подробно остановиться на личности воспитателя и предложенной им системе обучения.

Нам известны многочисленные источники: сам Лагарп оставил краткие, но ценные воспоминания¹. Мы также располагаем конспектами его лекций, хранящимися в Государственном архиве РФ и дающими возможность составить ясное представление о содержании образовательного процесса, а также ознакомиться с еженедельными

* Мари-Пьер Рей, профессор Университета Париж I Пантеон Сорбонна.

¹ Mémoires de Frédéric-César Laharpe, concernant sa conduite comme directeur de la République helvétique. P.; Genève, 1864.

отчетами, которые воспитатель направлял императрице Екатерине II². Наконец, для периода после его отъезда из России в 1795 г., в нашем распоряжении имеется обширная переписка Лагарпа с Александром I. Эта переписка, продолжавшаяся до самой смерти Александра в ноябре 1825 г., а именно – подлинники писем Александра Лагарпу и черновики писем Лагарпа – сохранилась в отделе рукописей и редких книг Университетской библиотеки Лозанны. Она была издана в трех томах с аннотациями и комментариями общим объемом около 1500 страниц³.

Таким образом, представляется интересным, опираясь на эти источники и кратко напомнив контекст получения Лагарпом поста воспитателя, рассмотреть в данной статье суть образования, которое он давал наследнику русского престола, то есть принципы и методы его работы, а потом взглянуть, как применялись полученные Александром знания после того, как в марте 1801 г. он стал императором.

«Великокняжеский гувернер»

В мае 1797 г., через два года после вынужденного отъезда Лагарпа из России, Александр написал своей теще, принцессе Баденской, собиравшейся встретиться с Лагарпом, письмо, которое свидетельствует о чувстве глубочайшей привязанности наследника престола к своему воспитателю:

С моего семилетнего возраста он всегда был рядом со мной. Это человек абсолютной честности и порядочности, а также редкой просвещенности и знаний. Должен признаться Вам, дорогая Матушка, что он один никогда мне не льстил, а его советы были основаны не на личном интересе, а на истинной привязанности, которую он всегда испытывал ко мне. Поэтому моя признательность к нему безгранична. В общем, как я уже говорил Вам, дорогая Матушка, это человек, которому я обязан всем⁴.

Даже много лет спустя, в 1814 г., на вершине своего могущества, Александр, представляя прусскому королю своего бывшего воспитателя, считал необходимым воздать ему должное: «<...> всем, что я знаю и, возможно, всем, чего стою, я обязан Г-ну Лагарпу»⁵.

² См., в частности, Ф.728 под названием «Каталог собрания рукописей Библиотеки Зимнего Дворца», Д. 306. Помимо конспектов лекций Лагарпа, этот фонд включает в себя еженедельные отчеты о занятиях великих князей Александра и Константина Павловичей, адресованные их воспитателем Екатерине II.

³ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de Frédéric-César de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie / Publ. par J.C. Biaudet et F. Nicod. 3 vols. Neuchâtel, 1978–1980.

⁴ Письмо Александра Павловича принцессе Баденской, 9 мая 1797 г. – Государственный Архив РФ (ГАРФ), Ф. 658. Д. 109.

⁵ Цит. по: *Brian-Chaninov N. Alexandre Ier. P., 1934. P. 42–43.*

Прибывший в русскую столицу еще в начале 1783 г., Лагарп был в марте 1784 г. приглашен Екатериной II преподавать французский язык ее старшему внуку, которому тогда было шесть с половиной лет. С самого рождения Александра Екатерина II, питавшая нелюбовь к сыну Павлу, завладела внуком, твердо решив вывести ребенка из-под влияния родителей, самой заняться его воспитанием и подготовить Александра к наследованию престола⁶.

В то же время честолюбивый Лагарп не хотел довольствоваться только преподаванием французского языка. В июне 1784 г., то есть всего три месяца спустя после своего назначения, он через графа Салтыкова, отвечавшего тогда за воспитание детей императорской семьи, направил Екатерине II педагогический проект. В нем Лагарп удачно использовал в качестве примера для подражания *образовательный план*, на скорую руку составленный самой Екатериной в марте 1784 г., о котором швейцарец узнал от Салтыкова. В своем прошении Лагарп утверждал, что распыление знаний достойно сожаления, что надлежит придать образованию будущего императора больше единства и связности и что он, Лагарп, в состоянии справиться с этой трудной задачей. Соблазнившись честолюбивым проектом, Екатерина тут же делает заключение, что «составитель сей записки представляется решительно способным преподавать более, чем лишь один французский язык»⁷ и с середины сентября назначает Лагарпа главным наставником великих князей Александра и Константина Павловичей.

Таким образом, в течение более десяти лет, до мая 1795 г., Лагарп ежедневно контролировал занятия прочих преподавателей: священник Самборский учил религии, полковник Массон – математике, Паллас – естественным наукам, а Крафт – физике. Кроме того, Лагарп преподавал и сам. Эта двойная обязанность, как он признает в воспоминаниях, была нелегкой, так как, если исключить его краткое пребывание в Италии, у Лагарпа не было никакого преподавательского опыта: «Воспитанному в одиночестве, совершенно чуждому шумного мира, общаясь до этого больше с книгами и фантастическими умозрительными построениями, чем с людьми, мне пришлось провести двенадцать лет при дворе без каких-либо руководителей или советников»⁸.

Убежденный республиканец, Лагарп решительно принял сторону Французской революции и многого ожидал от нее для будуще-

⁶ Об Александре I и его отношениях с бабкой Екатериной II см.: *Rey M.-P. Alexandre Ier. P., 2009. 593с.*

⁷ Цит. по.: *Le Gouverneur d'un prince, Frédéric César de Laharpe et Alexandre Ier, d'après les documents inédits de F.C. de Laharpe et les sources plus récentes. P., 1902. P. 11.*

⁸ *Mémoires de Frédéric-César Laharpe. P. 75–76.*

го Швейцарии. В то же время Екатерина II проводила репрессивную политику в отношении идей свободы и национального суверенитета, распространяемых Французской революцией: начиная с 1789–1790 гг. она закрыла масонские ложи; многие писатели, осуждавшие, по примеру Радищева, в своих произведениях абсолютизм и жестокость крепостного права, были арестованы и заключены в тюрьму. Находясь в России, Лагарп не бездействовал. В 1790–1791 гг. он написал более шестидесяти памфлетов, призывая своих соотечественников из кантона Во освободиться от опеки Берна. Осенью 1791 г. его послания, перехваченные бернскими властями, стали причиной доноса на него Екатерине II. Лагарп оказался в непростой ситуации.

Спустя полтора года новые козни против Лагарпа затеяли при дворе французские эмигранты, изгнанные революцией и нашедшие пристанище в Петербурге. Интриги были столь серьезными, что Лагарп даже рассматривал возможность отъезда из России, но в конце июня 1793 г. слова Екатерины II, снова подтвердившей свое доверие к нему, убедили его остаться: «Сударь, будьте Вы хоть якобинцем, республиканцем, кем хотите, но я Вас считаю порядочным человеком, и этого мне достаточно. Оставайтесь с моими внуками, сохраните мое доверие Вам в деле их воспитания и проявите к ним столь привычную для Вас заботу»⁹.

Обучение по Лагарпу: принципы и методы

За эти десять лет Лагарп постарался не только дать Александру знания, но и привить определенные моральные принципы. Он хотел сделать из будущего монарха не эрудита, а «достойного человека» и «просвещенного гражданина», способного проявлять критическое мышление и, тем самым, наилучшим образом справляться с обязанностями императора. С этой точки зрения Лагарп следовал рекомендациям Фенелона, который еще в XVII в. высказал мысль о том, что уже в детском возрасте любой монарх должен получить качественное образование и усвоить высокие моральные принципы, чтобы, оказавшись на троне, стать образцовым правителем. Но в то же время использование Лагарпом понятия «просвещенного гражданина» свидетельствует, что он был человеком Просвещения и, как сам указывает в своих воспоминаниях, страстным приверженцем идеалов демократии, находясь под влиянием философской мысли Руссо и, в частности, его «Рассуждений о происхождении неравенства между людьми».

⁹ Высказывание Екатерины II приведено по воспоминаниям Масона. – См.: *Masson Ch.F. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. T. 2. P., 1800. P. 159.*

Среди преподававшихся им предметов Лагарп придавал решающее значение истории и, в особенности, истории Древнего Рима. Он черпал из нее конкретные примеры для размышлений о морали, столь полезных будущему монарху. В ходе его лекций ученику предстояло усвоить такие идеи: любой человек, включая монарха, обязан соблюдать законы; тирания и угнетение человека человеком достойны осуждения и «всегда опасно доводить людей до отчаяния»; хороший правитель должен быть осмотрителен и умерен в своем поведении; он должен трудиться на благо своего народа и никогда не впадать в леность; ни при каких условиях ему не следует прибегать к пыткам. Для иллюстрации последнего вопроса, столь важного для России, Лагарп оставляет древнюю историю и делает исторический экскурс в дело Каласа, которое он подробно излагает своим ученикам с тем, чтобы как можно лучше представить позицию философов Просвещения, требовавших оправдания Жана Каласа. В своих записях он помечает на полях курса истории Рима:

Убийство добродетельного Каласа, санкционированное в этом веке одним из главных судов Франции, привлекло, наконец, всеобщее внимание, вызвав возмущение всех честных людей. Бессмертный Монтескье и Вольтер во Франции, Беккариа в Италии, многие другие философы и ораторы использовали свое красноречие, соответствующее значимости данного предмета, и их великодушные усилия возымели успех во многих странах, где были отменены пытки и варварские казни¹⁰.

Ключевая идея в преподавании Лагарпа – то, что монархия божественного права является обманом, а потому для всеобщего счастья и мира необходимы прочные законы и конституция: «Везде, где монарх есть лишь первое должностное лицо нации, законы и любовь его подданных охраняют его много лучше, чем крепости и солдаты»¹¹.

С тем, чтобы придать осязаемость и глубину преподаванию древней истории, Лагарп дает Александру и его брату Константину читать великих авторов Античности во французском переводе. Для того чтобы заинтересовать их историей Средних веков, он предлагает им отрывки из Жуанвиля и Жоффруа де Виллардуэна, потому что для него обращение к оригинальным текстам имеет чрезвычайное значение. Для Лагарпа источник важен так же, как и яркие подробности, и в этом он проявляет себя как вполне современный педагог.

По своим культурным, моральным и философским задачам история занимала главное место в преподавании Лагарпа, но и присут-

¹⁰ Конспект курса Лагарпа в кн.: *Le gouverneur d'un prince*. P. 116.

¹¹ *Ibid.* P. 33.

ствие литературы также весьма значительно. Его курс литературы за 1786 г., сохранившийся в ГАРФ, свидетельствует о богатстве и разнообразии учебного материала, в котором изучение древних авторов (Сенеки, Цицерона, Тита Ливия, Саллюстия) перемежается чтением писателей предшествующего века (Мольера, Корнеля, Расина, Лабрюйера) и современных философов (прежде всего Монтескье и Вольтера). Для характеристики творчества каждого из этих писателей даются библиография, тематические комментарии и подробный анализ того или иного произведения. Наконец, параллельно с историей и литературой Лагарп преподавал царственным отрокам географию и право.

Следуя инструкциям Екатерины II, Лагарп преподавал уверенно, в спокойной манере. Он редко наказывал молодых великих князей и почти не жаловался на Александра, которого считал серьезным и внимательным учеником. Однако с 12–13 лет будущий император стал более ленивым и небрежным в работе, что вынуждало Лагарпа делать ему многочисленные внушения и вменить ему в обязанность регулярно критиковать себя в личном дневнике, который Александр вел по требованию гувернера. Так, в 1790 г. ученик Лагарпа писал:

Вместо того, чтобы ободриться и удвоить усилия, пользуясь остающимися передо мной годами учебы, я становлюсь с каждым днем все более небрежным, менее старательным, неспособным, каждый день все более похожим на себе подобных, которые бездумно считают, что являются собой пример совершенства лишь потому, что им довелось родиться принцами. В мои тринадцать лет я все такой же ребенок, что и в восемь, и чем старше я становлюсь, тем ближе по результатам к нулю. Что из меня получится? По всей видимости, ничего¹².

Из описания учебного процесса, его методов и содержания можно заключить, что, используя современную методику, побуждение вместо принуждения и обращаясь скорее к первоисточникам, чем к текстам учебников, Лагарп считал своим долгом передать ученикам обширные знания, подтверждая их примерами из греко-латинской античности, французского классицизма XVII в. и философии Просвещения. Все эти примеры имели целью подвести будущего монарха к практике добродетельного управления с соблюдением норм морали и права и даже уважением конституции, которую необходимо ввести для гарантии равенства людей между собой. С этой точки зрения обучение, предлагавшееся Лагарпом, имело двойную функцию, одновременно образовательную и политическую.

Но такая образовательная модель имела свои ограничения и

¹² Цит. по: Le gouverneur d'un prince. P. 46.

даже недостатки, быстро замеченные современниками, например, баснописцем Крыловым, который представил их в иносказательной форме в басне «Воспитание Льва». В этом тексте Орлу (Лагарп) доверено заняться воспитанием Львенка (Александр). Однако если уроки Орла дают будущему царю зверей исчерпывающие сведения о потребностях и способе обитания птиц, то Львенок демонстрирует абсолютное незнание потребностей своих сородичей, которым он обещает научить их строить гнезда, как только окажется на троне. Мораль басни ясна: любое обучение, основанное на иноземном, а не на отечественном материале, обречено на неудачу. Это замечание важно, так как Лагарп плохо знал русскую историю и литературу и не мог преподавать их своим ученикам. Его обучение грешило недостатком внимания к русским реалиям. Но, с другой стороны, можно также считать, что это обращение к дальним горизонтам, а не к сугубо национальным традициям, давало заведомые преимущества ученику, которому впоследствии суждено было стать одним из главных деятелей европейской политики.

Как бы то ни было, обучение осталось незавершенным. Начиная с 1792–1793 г. Екатерина II все чаще отвлекала Александра от занятий: в мае 1793 г. она организовала его помолвку и в сентябре того же года женила, хотя ему не было еще и 16 лет. Наконец, в октябре 1794 г. она официально отставила Лагарпа от должности, присвоив ему на прощание звание полковника, оплатив дорожные расходы и назначив пенсию. Эта новость стала трагедией для Александра. В трогательном письме матери (воспроизведено в сноске в орфографии оригинала) отражена вся глубина отчаяния будущего императора:

Я вот-вот лишусь г-на де Лагарпа. Вскоре он получит расчет и уедет. Сие причиняет мне горе, которое овладевает мною, тем более что я вижу, как и он (осмелось это сказать) опечален расставанием со мной. Я предпринял все меры на свете, чтобы помешать этому; я говорил с графом Салтыковым, который сказал мне, что императрица еще раньше хотела его отослать из-за моей свадьбы и что только благодаря его, Салтыкова, мольбам, его оставили, но что сейчас, наградив его, она непременно хочет его отослать, и все это из-за старой истории его переписки с родственниками, которую обнаружили и которую князь Эстергази неправильно истолковал, представив его якобинцем.

Не могу Вам передать, какую боль мне это доставляет; он был для меня настоящим другом, который, несомненно, меня не баловал, но которому я обязан всем, что знаю. Он обещал составить для меня план занятий, по которому я должен продолжать учиться. Эта потеря ужасна для меня: лишь Ваша доброта, дорогая и милая Матушка, в состоянии смягчить мое горе. Осмелюсь на нее надеяться и постараюсь быть ее достоин.

Прощайте, дорогая и милая Матушка, нежно целую Ваши руки¹³.

¹³ Александр – матери императрице Марии Федоровне, написанное осенью 1794 г. (без даты). – ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. 2. Л. 119-119об.

В апреле 1795 г. Лагарп готовился к отъезду, ожидая благоприятной погоды. Ему не давала покоя мысль, что он покидает своего юного ученика, и он специально составил для него Инструкцию, которую передал Александру при отъезде в начале мая. Текст Инструкции изобилует прежде всего практическими советами: надо вставать рано и не ложиться поздно, чтобы быть в состоянии заниматься утром; необходимо просыпаться в определенное время и меньше времени уделять туалету. Далее Лагарп говорит об окружении Александра при дворе и предупреждает о подстерегающих юношу опасностях и ловушках, подчеркивая, что есть «лишь два человека, с которыми Ваше положение позволяет быть на короткой ноге: супруга, составляющая Ваше счастье¹⁴, и Ваш брат¹⁵, который был Вашим другом детства. Из всех сил крепите отношения, связывающие Вас с этими двумя людьми, которые должны обеспечить Вам долговременное семейное счастье». Далее Лагарп акцентировал внимание ученика на качествах, наличие которых тому придется доказывать во время своего будущего правления:

Я Вам это уже часто говорил раньше и на этом закончу. Единственный друг, который никогда не льстит, – это Ваша собственная способность к здравому суждению¹⁶. Только в ее свете Вы сможете оценить совершенные Вами поступки и однажды проявленные Вами достоинства. И пусть, благодаря ему, Вы станете неуязвимым, пусть Ваше благородное человеческое сердце, увлекаемое справедливым и просвещенным разумом, сделает Вас достойным того высокого поста на службе великого народа, куда Вы будете в свое время призваны¹⁷.

В ответ на письмо Александр передал своему воспитателю в день его отъезда 9 мая 1795 г. двойной портрет – свой и Елизаветы Алексеевны, своей супруги – в алмазном обрамлении вместе с коротким прощальным письмом, полным признательности, благодарности и сожаления:

Прощайте, мой дорогой друг, как ни тяжело мне сказать Вам это слово! Вспоминайте о том, что Вы оставляете здесь человека, полностью Вам преданного, который не в состоянии выразить Вам свою признательность и который обязан Вам всем, кроме, пожалуй, своего рождения. Примите от моей супруги, моего брата и меня лично это воспоминание о нашей общей привязанности к Вам. Будьте счастливы, мой дорогой друг. Это пожелание человека, который Вас нежно любит, уважает и почитает выше всего, что можно выразить словами.

Прощайте, в последний раз, мой лучший друг, не забывайте меня.
Александр.

И еще раз, мой дорогой друг, мой благодетель¹⁸.

¹⁴ Речь идет о Елизавете Алексеевне.

¹⁵ Константин Павлович.

¹⁶ *La judiciaire* – в женском роде означает способность к суждению.

¹⁷ См. Инструкции Лагарпа Александру в кн.: *Le gouverneur d'un prince*. P. 316–327.

¹⁸ Цит. по: *Le gouverneur d'un prince*. P. 49.

Каким бы душераздирающим ни было расставание, оно не поставило точку в отношениях ученика с воспитателем, и на нем не прекратилось влияние Лагарпа.

Неизменные отношения

С отъезда Лагарпа в мае 1795 г. и по ноябрь 1825 г., месяц смерти императора Александра I, **воспитатель и ученик поддерживали отношения**. За это время они встретились лишь трижды: сначала в России, где Лагарп снова прожил целых десять месяцев с августа 1801 по май 1802 г., дабы помочь молодому императору, только что взошедшему на трон; затем – в Париже в апреле 1814 г. после триумфального вступления туда Александра во главе союзнических войск; и, наконец, в октябре того же года в Вене, куда Лагарп приехал на Конгресс, определявший судьбы Европейского континента. В столь разных обстоятельствах, часто в разговорах с глазу на глаз, Лагарп продолжал давать Александру советы. Кроме того, все это время они оставались в переписке, продолжавшейся около тридцати лет. В течение примерно двадцати пяти лет Лагарп регулярно писал длинные письма и доклады, содержание коих свидетельствует о благожелательной поддержке, которую он не переставал оказывать Александру и его планам модернизации. И, наоборот, ответные письма Александра, относительно длинные в его бытность великим князем, становились после его восхождения на трон все более краткими и редкими – реже одного в год. Неизменными, однако, оставались отраженные в них теплота и высокая степень доверия к адресату.

Эти контакты свидетельствовали о прямом и косвенном влиянии Лагарпа. В самом деле, едва успев стать императором, Александр принял меры, напомнившие об уроках, преподанных ему Лагарпом. Так, например, обстояло дело с окончательной отменой пыток в Российской империи и роспуском Тайной экспедиции. Одновременно царь предпринял реформы, которые, основываясь на политических принципах, усвоенных им от Лагарпа, были призваны подготовить переход России к конституционному режиму. Правда, в конце концов Александр отказался от дальнейшего развития этого проекта в самой России, но на периферии им были предприняты соответствующие реформы: в 1809 г. Финляндия получила автономию в составе Империи; в 1815 г. конституцию получила Польша; в 1816–1817 гг. в прибалтийских провинциях Империи было отменено крепостное право.

Это косвенное влияние, связанное с принципами, усвоенными Александром из уроков Лагарпа, дополнялось влиянием и более не-

посредственным. Во многих письмах, отправленных Лагарпом Александру еще до приезда в Санкт-Петербург весной 1801 г., воспитатель настаивал на необходимости развития прежде всего системы образования, за которой должны следовать реформа правосудия и создание Свода законов. В это время Александр, действительно, вторя своему учителю, придавал первостепенное значение образованию, в котором видел, как и Лагарп, не только залог совершенствования личности, но и гарантию прогресса всего общества. По его мнению, более образованное, открытое и критически оценивающее себя русское общество будет лучше подготовлено к тому, чтобы понять, а значит, и суметь защитить идею реформы. С этой целью Александр начал обширную реформу образования, предусматривавшую создание новых университетов в Вильно, Харькове, Казани и Санкт-Петербурге, а также сети государственных начальных и средних школ. Вскоре развитие системы школьного образования стало реальностью. Если в 1801 г. во всей Российской империи с населением 40 миллионов жителей насчитывалось 334 школы, в том числе 21 начальная и 93 средних, где обучались в общей сложности 21 500 учеников, что составляло 5% детей школьного возраста, то в 1825 г. насчитывалось уже 70 начальных и 600 средних школ и лицеев с 70 тысячами учеников на население в 53 миллиона человек, что повышало процент охвата школьным образованием до почти 13%.

Моральные принципы и образование, полученные от Лагарпа, оказывали влияние на Александра, по крайней мере в первую половину его царствования, так как со временем это положительное влияние значительно уменьшилось. После 1812 г. консервативный мистицизм, в который погрузился Александр I, не имел ничего общего с образовательными идеалами Лагарпа. Учитель не узнавал более своего воспитанника в том человеке, который, вместе с Меттернихом, боролся против либеральных идей. Это постепенное отдаление в значительной мере объяснялось психологическими и духовными изменениями в императоре. Тяжелая психологическая травма, вызванная вторжением наполеоновской армии в Россию, привела Александра к поискам Бога и постепенному погружению в мистические размышления, которые, к несчастью для Лагарпа, все более отдаляли царя от идеалов либерализма. В сентябре 1815 г. образование Священного союза русским и австрийским императорами вместе с королем Пруссии вызвало беспокойство Лагарпа: он с недоверием отнесся к применению понятия религиозного братства во внешней политике и очень скоро выразил беспокойство потенциально консервативным характером учредительных документов. Впоследствии воспитатель и ученик еще больше от-

далялись друг от друга. Все более выраженная склонность Александра к консерватизму и мистике, ставшая явной во время Троппауского конгресса в декабре 1820 г., Лайбахского в январе 1821 г. и Веронского летом 1822 г. стала поводом для глубокого разочарования Лагарпа. Мрачный и озлобленный параноик, готовый повсюду в Европе противостоят либеральным идеям, император уже более не напоминал ему его воспитанника... В нескольких письмах, адресованных близким друзьям, бывший воспитатель Александра признавал, что смущен и глубоко несчастен от произошедшей в ученике перемены, которую не понимает и тяжело переживает. Однако расхождения во взглядах никак не затронули то чувство нежной симпатии к ученику, что возникло за десять лет, проведенных рядом с ним при русском дворе. Человек к тому времени уже пожилой, Лагарп оставался весьма привязан к ученику и был до глубины души потрясен его внезапной смертью. В апреле 1826 г. Лагарп написал своему близкому другу письмо, которое многое нам открывает в его чувствах к Александру I:

Смерть любимого ученика причинила мне такую боль, какую я никогда не испытывал. На протяжении последних 35 лет я был рядом с ним. Он был тем стержнем, на котором держались мои труды, мои размышления, мои надежды. Все это сменилось огромной пустотой. Правда, уже несколько лет наше общение стало происходить реже, мы по-разному смотрели на некоторые вещи, но чувства не изменились, и я даже убежден, что его принципы остались неизменными, несмотря на все дьявольские козни, пущенные в ход, чтобы придать их практическому применению иное направление.

Но если его и можно сейчас в чем-то упрекнуть, то потомки в полной мере воздадут ему должное. Он многое сделал для улучшения образования и управления в своей стране и, если бы, как он мне говорил в 1815 году, его так часто не обманывали те, кому он доверял, все его проекты реформ были бы осуществлены. Он разбил оковы крепостного рабства в Эстонии, Ливонии и Курляндии, он показал русскому дворянству, что оно должно, в свою очередь, сделать и чего оно не захотело сделать. Он дал третьему сословию право покупать землю. Он создал школы, лицеи, университеты. Он дал Польше конституционное представительное правление и 27 марта 1818 г. объявил, что его намерением было дать России возможность воспользоваться таким же благодеянием. Поэтому русские могут отнести лишь на свой счет то, что не последовали его добрым намерениям. Я не могу насчитать и десяти представителей этой нации, особенно в высшем обществе, которые их поняли и оценили. Если говорить о народной массе, то она имела об этих намерениях смутное представление, но в народе говорили: он наш. И, наконец, французы, которые осквернили его память, забыв его беспримерное великодушие в 1814 и 1815 годах и забыв, что если у них тоже есть сейчас Хартия, которую они, к тому же, ни во что не ставят, то лишь благодаря его твердой и настойчивой воле. Впрочем, еще не

настал момент, когда потомки смогут высказаться о нем с пониманием дела. Перед их глазами еще нет полной картины. В ней не хватает деталей, многими из которых располагаю я. У меня есть его письма, достойные того, чтобы их напечатали золотыми буквами. Думаю, что и мои письма, адресованные ему, помогут лучше его оценить, потому что этот человек, к которому такой отшельник, как я, мог обращаться на принятом между нами языке, несомненно, принадлежал к самому высшему в своем роде и очень немногочисленному классу людей. Я много работал и продолжаю работать над документами, связанными с ним, которым суждено увидеть свет только после моей смерти¹⁹.

По этим строкам мы можем без труда соизмерить силу и необычность взаимной связи, соединившей воспитателя с учеником и ученика с его воспитателем.

¹⁹ Письмо от 18 апреля 1826 г., цит. по кн.: *Le gouverneur d'un prince*. P. 171–173.